

вания. Причинами этого во многом являются чрезмерная учебная нагрузка, однотипность учебного процесса, отсутствие чередования разных форм деятельности учащихся. Очень часто для педагогов решение задач и достижение высоких результатов в образовательном процессе представляются более важными, чем сохранение здоровья учащихся.

Именно поэтому совершенно необходимо, чтобы в систему образовательных целей были включены:

1) получение теоретических знаний о здоровье, психологии, семейных отношениях, формировании умений и навыков поддержания здорового образа жизни;

2) приобщение к регулярным занятиям физической культурой и спортом, что будет способствовать укреплению здоровья и профилактике заболеваний учащихся, их всестороннему гармоничному развитию и физическому совершенствованию. Как отметил Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в докладе на третьем Всебелорусском народном собрании, «единственный путь в улучшении здоровья нации — массовое физкультурно-спортивное движение»;

3) особое внимание необходимо уделить проблеме питания. Так, согласно выводам российского гастроэнтеролога А.М. Уголева, ошибки в структуре питания как причина развития тяжелых заболеваний и как патологический фактор встречаются теперь значительно чаще, нежели онкологические и сердечно-сосудистые заболевания. Организация качественного, полноценного и разнообразного питания в учреждениях образования, предоставление современной информации об искусственных и рафинированных продуктах и последствиях их употребления для организма в будущем помогут сформировать культуру питания уже в подростковом возрасте;

4) развитие творческих способностей учащихся. Возможности реализации и развития индивидуальных способностей и знаний, проявления инициативы, увлеченность и удовлетворенность учебным процессом (посредством положительных эмоций) будут оказывать заметное оздоровительное воздействие.

*С.Ю. Кричевский, канд. экон. наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ СТРАНОВОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Несмотря на большое количество литературы, посвященной вопросам международной конкуренции, один из ее ключевых аспектов — вопрос оценки страновой конкурентоспособности — нельзя рассматривать как системно решенный ни с теоретико-методологической, ни с расчетно-методической позиций.

Проблемы теоретического характера обусловлены в данном случае тем, что концепция конкурентоспособности пришла в экономическую

науку в 80-е гг. XX в. из прикладной бизнес-аналитики без особых отсылок к фундаментальным принципам теории международной торговли. Во многом концепция страновой конкурентоспособности (в ее современном варианте) представляет собой не столько теорию, сколько гипотезу, пытающуюся рассматривать страны, отрасли и регионы как конкурирующие корпорации. Ее ведущим автором признан Майкл Портер. Он предложил заменить положения классической теории Д. Риккардо о сравнительных преимуществах в торговле на концепцию конкурентных преимуществ. Эта концепция обосновывает идею о том, что успех на глобальном рынке определяется более высокой производительностью, а последняя, в свою очередь, определяется инновационными и модернизационными усилиями компаний по поддержанию своей доли на международных рынках [1]. Майкл Портер, возглавляя одну из групп экспертов, подготавливающих Отчеты о глобальной конкурентоспособности для Всемирного экономического форума (ВЭФ), периодически дорабатывает и обновляет положения своей концепции [2]. Однако он делает это на сугубо инструментальном уровне, не углубляясь в теоретические аспекты проблемы оценки страновой конкурентоспособности.

Наиболее известным критиком концепции конкурентоспособности выступает Пол Кругман, изложивший свои идеи в нашедшей в свое время статью: *Competitiveness: Dangerous of Obsession* [3]. Обоснованность экономической логики современных рейтингов конкурентоспособности ВЭФ критикует Джеймс Вимберли [4]. Критики концепции страновой конкурентоспособности указывают на то, что ее авторы, по сути, предлагают приравнять национальную конкурентоспособность к присутствию в стране компаний — глобальных игроков мирового рынка, деятельность которых обеспечивает внешнеторговую активность, состояние платежного баланса, темпы роста экономики, уровень благосостояния.

Развитие и усложнение методик количественной оценки страновой конкурентоспособности, используемых для составления модных международных рейтингов, только затрудняют объективное восприятие данной концепции, делают невозможным сколь-нибудь логичный анализ ее результативности на практике.

К основным группам критериев, отражающих эффективность внешней торговли страны и уровень жизни ее населения, разработчики методик количественной оценки страновой конкурентоспособности добавляют сотни разноречивых по своему характеру измерителей. Например, рейтинг страновой конкурентоспособности IMD строится на 329 критериальных показателях [5]. Аналогичный рейтинг WEF включает 110 критериев [6].

Вышеуказанные рейтинги конструируют некую идеальную модель социально-экономического «конкурентного успеха» страны, включающую устойчивое благосостояние, эффективность экономики, развитие социальных институтов и физической инфраструктуры, демократизм общества. При этом всем этим уже достаточно сложным и противоречивым явлениям еще присваиваются и «весовые» значения, определяемые экспертным путем.

Нельзя не согласиться с Б. Кузнецовым, отмечающим по этому поводу, что «таким концептуально небезупречным способом пытаются заполнить теоретический вакуум в части ответа на вопрос о том, можно ли считать конкурентоспособной высокопроизводительную экономику, с высоким уровнем безработицы и неэффективной социальной системой» [7].

Недостаточная проработанность теоретических аспектов проблемы оценки страновой конкурентоспособности, расчетно-методическая противоречивость соответствующих рейтинговых конструкций требуют весьма осторожного и взвешенного подхода к их оценке в случае включения в эти схемы Республики Беларусь.

Как показывает уже накопленный международный опыт, присуждение определенных коэффициентов страновой конкурентоспособности как по методике IMD, так и по рейтингу WEF, носят, главным образом, имиджевый характер и не влияют сколь-нибудь существенно ни на инвестиционную активность, ни на действительно важные для современных национальных экономик значения международных кредитных рейтингов. Весьма неоднозначна интерпретация количественных значений этих коэффициентов и их динамики. Попадание страны в «десятки», «двадцатки» или «тридцатки» рейтингов страновой конкурентоспособности не должно превратиться в самоцель, ибо само по себе оно, с позиций национальных интересов государства на международных рынках, ничего не определяет и не ведет ни к чему реальному.

Литература

1. Porter, M. The Competitive Advantage of Nations / M. Porter. — N.Y., 1990.
2. WEF. — The Global Competitiveness Report. — 2004—2009.
3. Foreign Affairs. — 1994-1. — № 73(2). — p. 28—44.
4. Wimberley, J. Competitiveness, who needs it / J. Wimberley. — 2006/09 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.samefact.com.
5. IMD. World Competitiveness Yearbook. — 2009.
6. WEF. The Global Competitiveness Report. — 2008/2009.
7. Российская промышленность на этапе роста: факторы конкурентоспособности фирм / под ред. Гончар К.Р., Кузнецова Б.В. — М.: ГУ ВШЭ, 2008. — С. 35.

*С.М. Кунявская, канд. экон. наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ МАСШТАБОВ БЕДНОСТИ

1. XXI в. характеризуется структурной перестройкой экономик многих стран под влиянием инновационного развития, внедрения трудообеспечивающих технологий и роста безработицы, глобализации и